

вании отдельных алтайских и телеутских сеоков (родов), например: Чорос, Мержит, Ойрот, Дербет и др., и в различных элементах материальной и духовной культуры. Кроме того, нужно принять во внимание, что телеуты в период ойратского господства долгое время жили общей исторической жизнью и даже общим материальным бытом с западными монголами и составляли в Джунгарском или Ойратском государстве оток из четырех тысяч кибиток¹³.

Вот почему еще и теперь у бочатских телеутов нетрудно обнаружить монгольские элементы как в языке, фольклоре, так и в области материальной культуры, несмотря на то, что эти телеуты в настоящее время усвоили русский домашний быт. В этом отношении весьма показательна кое-где сохранившаяся у них старинная мужская и женская одежда, представляющая собой по некоторым наименованиям ее, а особенно по покрою, форме и виду типичную западномонгольскую одежду, бытовавшую широко до недавнего времени у волжских калмыков¹⁴. Стало быть, появление героического эпоса у шорцев относится к недавнему времени и является результатом участия телеутов в этногенезе шорцев. Отсюда становится понятным и такое любопытное обстоятельство, что некоторые шорские названия предметов в героических поэмах фигурируют в телеутской форме. Примером этого может служить название лыж для ходьбы по насту, не подбитых мехом, т. е. голиц. Такие лыжи в быту у шорцев носят название «калбрак», а в героическом эпосе называются по-телеутски «кангай». То же самое можно сказать о луке, который в шорских охотничьих рассказах и легендах называют «шам», также «коста», а в героических былинах по-телеутски и по-монгольски — «саадак».

Теперь скажем несколько слов о датировке шорских героических поэм, поскольку Н. П. Дыренкова обходит и этот вопрос. Эти произведения, как и большинство телеутских и алтайских героических былин, отражают период ойратского господства и, следовательно, должны быть датированы в рамках XV—XVIII вв. На это указывают, кроме отражения в них реальной социально-исторической обстановки периода господства западномонгольских ханов, о чем мы говорили выше, еще некоторые реальные исторические имена отдельных ханов, игравших видную роль в то время и известных нам по историческим документам (например, Альтын-хан — владетель Северной Монголии, Карахан и др.).

В заключение еще одно замечание по поводу наблюдения Н. П. Дыренковой о поразительном сходстве шорского героического эпоса, доходящем почти до полного тождества с героическим эпосом не только алтайских, но и хакасских племен. Причины этого поразительного сходства коренятся также в истории процесса этногенеза тюркских племен и их совместной исторической жизни в прошлом, отражением чего могут служить одноименные героические поэмы, одинаковые сюжеты и многие другие общие признаки эпических произведений тюркских кочевников, удаленных друг от друга в настоящее время огромными расстояниями. К такому следует отнести, кроме былин хакасских и алтайских племен, былины барабинских татар, казахов, киргизов, узбеков, ногайцев. Однако рассмотрение этого вопроса мы находим целесообразным отнести к другой работе.

Л. Потанов

Проф. А. И. Ярхо, *Алтае-саянские тюрки*. Антропологический очерк. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Хакоблнауиздат Абакан, 1947, 148 стр.

Работа А. И. Ярхо вышла в свет почти через 13 лет после смерти автора, который умер в очень молодом возрасте (1903—1935 гг.), в самом расцвете своей научной деятельности. Не успев реализовать многое из того, что было намечено им. Но то, что сделано А. И. Ярхо за немногие годы его научного творчества, представляет серьезный вклад в советскую антропологию, находит свое продолжение в работах его товарищей и последователей, знаменует собой очень важный этап в развитии советской антропологической науки. Основной областью научной деятельности А. И. Ярхо было расоведение; им впервые были сформулированы многие теоретические положения советского расоведения, разработаны многие методические принципы собирания и обработки антропологических материалов, которые легли в основу позднейших расоведческих работ; им собран огромный фактический материал по антропологии Советского Союза¹.

13 лет, прошедших со времени написания книги, — большой срок в истории советской антропологии; за этот период много сделано как в части собирания новых материалов, так и в части их обобщений и теоретических построений. Тем более показательно, что рецензируемая книга не утратила своего научного значения и интереса и в настоящее время. Издание труда А. И. Ярхо является не только выполненным долгом

¹³ Иакинф (Бичурин), Историческое обозрение ойратов, СПб., 1839, стр. 132.

¹⁴ Такая одежда имеется в коллекциях Музея антропологии и этнографии Акад. Наук и в Государственном музее этнографии в Ленинграде, а также в Краеведческом музее Горно-Алтайской автономной области.

¹ О деятельности А. И. Ярхо см. «Антропологический журнал», 1935, № 1.

советских антропологов перед памятью покойного; книга не только отражает важный этап в развитии советской антропологии, но и заполняет очень существенные пробелы, вводит в научный оборот огромный фактический материал и ряд плодотворных гипотез. Достаточно указать, что в работе дается первая публикация антропологических материалов (если не считать предварительных сообщений самого А. И. Ярхо) по всем племенным группам Алтае-Саянского нагорья, полностью собранных под руководством и при непосредственном участии автора.

Эти материалы охватывают многие сотни исследованных (мужчин и женщин) и относятся к следующим группам: телеуты, шорцы, алтайцы (кумандинцы, шолганы, маймалары, тубалары, теленгеты, алтай-кижи), казахи Чуйской степи, тувинцы и хакасы, кызылты, качинцы, сагайцы, койбалы, бельтиры; приводятся также данные по русским и метисам Алтая и Хакасии.

Книга открывается кратким введением и состоит из 4 глав. Первая глава, где дается обзор этнического состава населения Алтае-Саянского Нагорья, приводит подробные сведения о родовом составе всех указанных групп и расселении родов. Написанная как вступление к основной антропологической части, эта глава имеет и самостоятельное научное значение, дополняя разбросанные в литературе сведения о родовом составе племенных групп Алтая и Хакасии. Если в перечне родов и имеются неточности и пробелы, то все же это наиболее полная, насколько нам известно, из имеющихся в литературе сводок.

Главы II и III посвящены систематическому обзору измерительных и описательных признаков по всем исследованным группам.

Исследование проводилось по обширной программе, значительно превосходящей программы большинства расоведческих исследований и включающей также данные по пропорции тела и группам крови. При рассмотрении каждого отдельного признака автор далеко выходит за границы рассматриваемой территории и приводит большой сравнительный материал по другим народам. Эти главы очень интересны в методическом отношении; в них даются классификации вариантов по отдельным признакам, методы определения описательных признаков, приемы обработки материала, которые, как мы уже указывали, были восприняты в целом ряде позднейших расоведческих работ.

Воопользуемся случаем, чтобы указать, что дальнейшая разработка вопросов методики является очередной задачей советских антропологов. Так, определение цвета кожи (по шкале Лушана), цвета волос (по шкале Фишера), которыми мы продолжаем пользоваться, очень несовершенно. Это еще в большей степени относится к определению степени жесткости волос, которое при отсутствии каких бы то ни было стандартов всегда очень субъективно. Достаточно просмотреть приводимую в книге А. И. Ярхо таблицу по этому признаку, чтобы убедиться, что даже при определении степени жесткости волос одними и теми же исследователями, очень велика опасность сбиться с масштаба. В меньшей степени это относится и к другим описательным признакам, таким, как складка века, горизонтальная профилировка, форма лба и развитие надбровья. Последняя и наиболее интересная глава посвящена расовой диагностике. В этой главе автор кратко излагает основные принципы расовой систематики. Положение о таксономической неравноценности отдельных расовых признаков было впервые разработано А. И. Ярхо на алтае-саянском материале. Относя алтае-саянских тюрков к монголоидам, автор специально рассматривает вопрос о генезисе депигментации у различных групп, которая у некоторых из них весьма значительна (у шорцев, у казахов процент темных глаз лишь немногим превышает 50). Автор склонен рассматривать вне влияния европеоидов появление депигментации у народов Алтае-Саянского нагорья, равно как характерное для многих групп сужение лица и сильное выступание носа, и приходит к заключению, что «в данном случае мы, быть может, имеем дело с эволюционным процессом второго порядка, повторяющим внутри монголоидов эволюционную линию первой категории» (стр. 112). Для Алтая автор допускает возможность небольшой русской примеси, и только для сагайцев и бельтиров — примеси древних европеоидов Минусинского края.

Касааясь вопроса об этом древнем европеоидном населении, автор дает развернутую критику концепции Грум-Гржимайло о динлинской белокурой расе и, не отрицая существования самостоятельного европеоидного типа в Азии, считает участие этого типа в образовании современных народностей незначительным. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

В разделе, посвященном выделению вторичных групп (расовых типов второго порядка), А. И. Ярхо аргументирует изложенное им в его ранее напечатанных работах выделение трех расовых типов Алтае-Саянского нагорья: североазиатского или урало-алтайского, центральноазиатского или саянского и южносибирского или алтайского — классификация, которая стала отправной для многих позднейших работ по расовой систематике Северной Азии.

Не менее интересны и разделы, посвященные внутригрупповому анализу и суммарной характеристике отдельных племенных и территориальных групп.

В последнем разделе «Классификация рас и расогенез» автор в очень сжатой форме (стр. 136—139) высказывается по важнейшим теоретическим вопросам расоведения, формулируя положения о динамичности расовых типов, условности и реальности расовых делений, единства и многообразия рас, и развивает гипотезу о стадийно-эволютивном характере отдельных комплексов расовых признаков.

«Если подойти к Алтае-Саянскому материалу с точки зрения стадильной эволюции, то многие факты,— пишет автор,— представляются в несколько ином, более широком освещении. Вместо признания алтай-кижа, дающих непонятные сочетания более тонких губ с более прямым лбом, результатом гибридизации, проще считать их и другие племена, которые занимают промежуточное место между южно-сибирцами и центрально-азиатами, промежуточными стадильными формами; наличие центрально-азиатских черт у казахов объяснять не смешением с монголами, а пережитком пройденной стадии и т. д.» (стр. 139).

Таково краткое содержание рецензируемой книги.

За истекшие со времени написания книги годы накоплено, как уже доказывалось, много новых материалов и целый ряд положений нуждается, естественно, в уточнении, дополнении и частично и в пересмотре. В частности, данные по палеоантропологии Алтая и Минусинского края, опубликованные Г. Ф. Дебецом², должны поколебать заключение А. И. Ярхо о незначительной роли древнего европеоидного элемента в формировании современного населения Западной Сибири. Сочетание у казахов таких признаков, как депигментация, усиление третичного волосяного покрова, ослабление эпикатуса, указывает на значительное участие в формировании этого типа древнего европеоидного компонента. Морфологически южносибирский тип отчасти сходен с енисейским (кеты и некоторые другие группы Западной Сибири), что объясняется, повидимому, общностью вошедшего в них древнего европеоидного компонента Южной Сибири, менее значительного в составе енисейского типа, формировавшегося в иных, более северных районах.

Урало-алтайский тип, характерный особенно для шорцев (а за пределами Алтае-Саянского нагорья для манси, хантов и некоторых других групп Западной Сибири), также является, повидимому, метисным по происхождению.

Исследования советских антропологов (Дебеч, Трофимова, Чебоксаров) позволяют считать этот тип результатом сложного смешения типов азиатского и европейского происхождения и относить начало этого процесса метисации к древнейшим этапам заселения человеком лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири, где в течение длительного последующего периода и происходило формирование указанных переходных типов. Возможно, что наличие узколиких форм среди монголоидов Алтае-Саянского нагорья связано отчасти с антропологическим типом карасукской эпохи на этой территории, типом генетически восходящим к дальневосточным монголоидам, а такой признак, как сильное выступление носа — с восточносибирским типом (у якутов, бурят, монголов). Нуждается в дальнейшей критической разработке положение автора о стадильно-эволютивном характере выделенных им типов. Но приведенные им замечания основаны на материалах, которые еще не были известны покойному А. И. Ярхо и ни в какой степени не умаляют большого значения рецензируемого труда, который прочно войдет в фонд советской антропологии.

Следует специально указать, что приведенные выше соображения не снимают гипотезы А. И. Ярхо о возможности появления депигментации среди монголоидов вне европеоидной примеси. Если в Западной Сибири мы должны скорее связывать депигментацию с древним европеоидным компонентом, то по отношению к таким группам Восточной Сибири, как эвенки, ламуты, негидальцы, у которых отмечена значительная депигментация, гипотеза, А. И. Ярхо не может не быть учтена. Советские антропологи и все те, кто работает над проблемами этногенеза народов Алтае-Саянского нагорья, очень обязаны Г. Ф. Дебечу, который проделал огромный труд по подготовке книги к печати, далеко не завершенной покойным автором, а также Хакасскому научно-исследовательскому институту (директор Н. Г. Доможаков), издавшему книгу.

М. Левиц

СОВРЕМЕННЫЕ ЯКУТСКИЕ МАСТЕРА УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА О ГЕРОИЗМЕ НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ

(М. Н. Тимофеев-Терешкин, *Якуты на войне*, Импровизации, Перевод с якутского А. Ольхона, Вступительная статья М. К. Азадовского, Якутск, 1943, 52; М. Н. Тимофеев-Терешкин, *Якуты в тылу*, Перевод А. Ольхона, Иркутск, 1944, 58; М. Н. Тимофеев-Терешкин, *Сказания о вождях*, Авторизованный перевод с якутского А. Ольхона, Иркутск, 1947, 46; Сергей Зверев, народный певец-олонгхосут, *Сказание о великой Москве*. Перевод с якутского А. Лаврика, Якутск, 1947, 16; Анатолий Ольхон, *Северное сияние*, Перевод из якутских поэтов, Иркутск, 1947, 189.)

Рецензируемые публикации знакомят русского читателя с современным творчеством лучших якутских певцов-олонгхосутов. События, лица, героика суровых лет Великой отечественной войны, трудовые подвиги советских людей — основное содержание новых произведений якутских мастеров традиционного фольклора. Среди советских поэтов и сказителей-якутов особое место занимает Михаил Николаевич Тимо-

² Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. IV, 1947.